

Выступить в нью-йоркском зале «Карнеги-холл» — честь для любого артиста. Эту площадку открывал когда-то Чайковский... Ну а затем можно перечислять десятки и сотни выдающихся имен — все, чем богат уходящий век. Одним из замыкающих почетный список оказался наш соотечественник Александр Градский.

Аркадий ПЕТРОВ

Саша, как вы попали в «Карнеги-холл»? Ведь прежние ваши американские сценические площадки были гораздо менее именитыми, хотя на вашем счету выступления с Джоном Денвером, Лайзой Минелли, Шарлем Азнавуром, Дайяной Урвик, группой «Грейтфул дед»...

— Концерт в «Карнеги» я организовал сам. Как? Есть такой анекдот. На соседней с «Карнеги-холлом» улице негр играет на саксофоне, в ногах — шляпа для монет... Прохожий спрашивает: «Скажите, как попасть в «Карнеги-холл»?» Негр отвечает сквозь зубы: «Заниматься надо побольше, работать». Думаю, что я потрудился достаточно, чтобы созреть для такой сцены... Это феноменальный зал. Не могу понять секретов его акустики, он излазил все снизу доверху. На одном из его 2800 мест отлично слышно.

В конце прошлого лета я отдыхал в Нью-Йорке. И вот сижу на кухне у своего друга Храповицкого, попиваю винцо и думаю, чем бы отметить свой предстоящий юбилей: в 99-м году как-никак пятьдесят! Мечтательно так говорю: «А что, если организовать концерт в «Карнеги-холле»? Приятель отвечает: «Нет проблем. Хочешь, съезди в офис зала и узнаем, что там к чему?». Сели в машину, поехали, нашли главного менеджера — спелую даму лет семидесяти пяти. Она, естественно, не знает, кто я. Говорю: хотел бы спеть сольный концерт. Можно? Оказалось, можно, если найдется свободный день. Дама листает свой гроссбух: «Есть один такой день — 5 марта 1999 года. Число было зарезервировано, но потом заказ отменили. Хотите? Следующий незанятый вечер — через два года»... 5 марта, пятница, канун уик-энда. Лучшего времени для выступления не придумать, ведь достать в такой вечер билет даже на давно идущие мюзиклы сложно. Потом выясняется, и платить надо сразу. Деньги у меня были, и я тут же рассчитался. Цифру назвать не могу — коммерческая тайна. Но дорого! Правда, мы полагали, что продажа билетов поможет вернуть большую часть суммы (так оно, кстати, и вышло).

Пришло много эмигрантов, но и коренных американцев хватало.

Наш человек в «Карнеги»

Веч. Москва. — 1999 — 11 июня. — С. 5

Уникальный русский тенор с голосом в три с половиной октавы при Брежнев получил по шапке и изобретал термин «журналюга»

Вообще во всем есть элемент какой-то тайны. Думаю, удачными были мое фото на афише (может, кому-то лицо показалось приятным) и надпись «Романсы. Уникальный русский тенор с диапазоном голоса в три с половиной октавы». Допускаю, что на мой вечер пришли именно ценители.

— Но ведь вы поете и оперные арии, и рок...

— Программа, на мой взгляд, была просто феерической. Я начал с Пахмутовой («Как молодцы мы были»). После этой песни зал просто взорвался. «Держать» публику дальше было делом техники. Кстати, лишний раз убедился, что хитами надо не завершать, а начинать концерт! За Пахмутовой последовали ария Хозе, песенка герцога из «Риголетто», ария Каварадосси из «Тоски», ария Калафа из «Турандот», «О, солёный мио», «Здесь хорошо» и «Не пой, красавица, при мне» Рахманинова, романсы «Выхожу один я на дорогу», «Гори, гори, моя звезда», «Только раз бывает в жизни встреча». За этим русским блоком шла еще одна ария бельканто — романс Неморино из «Волшебного напитка» Доницетти. На этом кончалось первое отделение

Это лицо показалось нью-йоркской публике приятным

ние (час пятнадцать!). А второе я начал с рок-хитов — знаменитой «The Bridge Over Trouble Water» Саймона и Гарфанкела, «Every Breath You Take» Стинга и «Imagine» Леннона, после чего взял в руки гитару и стал петь собственные вещи. Чувствовал, что трех часов мне нехватает, но по правилам «Карнеги» ровно к одиннадцати вечера обязан был все завершить — иначе солидный штраф. Видел, что не успеваю, какие-то важные для меня песни не спеты, и лишь чередовал номера по принципу — «грустно-весело», «быстрее-медленно»... Рецензенты меня потом расхвалили. Да что они могли сказать, когда был полный зал, громовые овации, народ висел на люстрах!

— Каков был «возрастной ценз» вашей публики? Повзрослевшие битломаны? Вас выдвинули на соискание Государственной премии 1998 года. Мне

кажется, что выдвигавшие относятся к тому же поколению...

— Моя публика — люди от 35 и выше, от 10 до 15 лет. А вот слушателей от 15 до 30 у меня на концерте не было. Их не бывает и в Москве.

— Вы изобрели неологизм «журналюга». Чем вам так насолили пишущие?

— Если ты кого-то ругаешь или хвалишь, это создает ощущение собственной значимости. Музыкальной критики сегодня нет. Как нет и достойного объекта для разговора — музыкантов, писать о которых бы стоило. Не на ком глаз остановить. Поэтому журналисты пишут не о музыке, а о быте известных людей — любимых собачках, марках автомобилей. Впрочем, пресса же «известных людей» и создает, придает им звездный флер, значительность. Заодно и пишущий становится значимой фигурой.

— В этом году «разменяли» полтинник ваши сверстники — Леонтьев и Пугачева. Что бы вы могли сказать о них?

— Люди хорошие. Алла просто симпатична мне. Когда-то пела здорово; правда, все закончилось какой-то разменной монетой...

— Как бы вы охарактеризовали сегодняшнюю песню?

— Господствуют два направления. Одно — род новоязового стеба, второе — любовная эстрада, охи и вздохи, томление по девочке с соседней улицы. Лирика для девиз с выщипанными бровями и сигаретой в зубах и бледных мальчиков с двумя серьгами в ухе и пакетиком кокаина в верхнем кармане пиджака.

— А социальная нота, которой наш рок был когда-то славен?

— Социальная нота хороша тогда, когда ты за нее можешь получить по шапке. Но сейчас все можно. А нынешние власти настолько скучны и неинтересны, что перестали быть объектом критики. Кстати, в брежневские годы никто, кроме меня, над брежневизмом не издевался. Пожалуй, лишь само существование рок-групп было социальным протестом...

— Сменим тему. «Ваш» тип женщины?

— Высокая, длинноногая, с тонкой талией и выразительными глазами, худая. Если вдобавок еще и бюст... Вижу, что я описал Клаудиу Шиффер... Цвет волос не важен, главное, чтобы был естественным. Впрочем, трудно сказать, чем женщина тебя берет. Порой жестом или даже взглядом — спокойным, но проникающим в душу. Очки не люблю, хотя сам очкарик. Даже Ольгу, свою жену, уговорил сделать операцию в институте Федорова. Она и прежде была красавица, но тут пропал близорукый прищур, и лицо стало потрясающим!

— Ольга — третья ваша жена?

— Она же единственная. Были романы, завершившиеся регистрациями в загсе. По счастью, оба развода оказались цивилизованными. В Ольгу влюбился, но и наблюдал какое-то время: красивая, добрая. Как хозяйка сначала ничего не умела (потом научилась всему). Мы встречались год, летом поехали отдыхать в Алушту. Однажды утром я сказал: «Мне тут надо в одно место подъехать. Давай вместе». Ничего не объяснив, сел с ней в машину. Подъехали к загсу. Оля удивилась: «Ты что?». Я говорю: «Пошли!». «Ну пошли».

— Обязана ли женщина быть умной?

— Интеллектуалок я почему-то воспринимаю почти как мужчин. Их можно ценить, уважать. Но никакого, извините, влечения. Мудрая природа каждому отвела свою роль. Женщина должна быть просто женщиной. Так было, есть, так будет всегда.

— А дети?

— Дане восемнадцать. Много лет занимался скрипкой, но сейчас раздумал быть музыкантом, учится в Лондоне в экономическом школе, собирается специализироваться в политологии и финансах. Маше тринадцать. Девятый класс. Увлечена театром — вот сейчас, пока мы беседуем, умчалась на МХАТ...